

СЕВЕР... Разбегаящаяся по
обычному горизонту белая
тундра, прозрачная дымка зарос-
лей ивняка вдоль немногочислен-
ных и несудоходных рек, редкие
кусты кедров, нетерпеливые, го-
товые сорваться и унести в скач
за пустынным яростным ветром.
И вдруг поселок — рубленные до-
ма, ферма, клуб, сельсовет и запа-
хи: смолистой свежей лиственни-
цы, дыма, свежеспеченного хле-
ба, оленьих шкур — греющие ду-
шу запахи человеческого жилья.

Камчатский север не знает еще
прелестей асфальта, тяжестей
промышленных предприятий, все
это — его будущее. Но и чумы,
юрты — это, в основном, атрибуты
прошлого. Растут в тундре посел-
ки... Караванами уходят тракторы
со строительным лесом... Летом и
зимой снуют над тундрой самолеты.
Долго путь на север. Тысячи
километров. И нелегко труд лю-
дей, строящих дома на вечной мер-
злоте.

Север... Стремительный бег
встревоженного табуна, успокаива-
ющий крик пастуха, свист чауа,
безудержный пьянящий полет не-
весомых нарт, режущий фонтан
снеговых брызг из-под копыт...
Поздняя весна, шелест крыльев
возвращающихся в предзакатной
мгле лебедей...

ПУСТЬ БУДЕТ ПАРК

Сначала над этим местом долго
кружил вертолет. Он то садился
на ровное плато у подножия сопки,
то взлетал, срывая с углей гасну-
щего костра серый пепел. Старый
коряк отходил от рыбалки, проти-
рал глаза и провожал взглядом на-
зойливую машину, вспугнувшую
его одиночество. Потом он увидел
идущих вдоль берега реки борода-
тых людей. Редко кто навещал ста-
рика, и он с сожалением подумал,
что так и не съездил в Верхние
Пахачи за чаем и сахаром. Чем
угощать гостей? Но они почему-то
не присели к костру, а вежливо за-
давали странные вопросы: «Долго
ли он живет тут? Помнит ли боль-
шое наводнение? Затопило ли то
плато? Как он добирался до Усть-
Пахачей?» Дед его, отец — все
тут умерли. Никогда не слышал он
от них и сам не видел, чтобы то
место водой заливалось...

Когда люди ушли, старик за-
пряг шесть собак и уехал в Верх-
ние Пахачи. Там он узнал, что по-
селок будут переносить: речка
подмывает берег и очевидно, на
то самое место, где рыбалка ста-
рика.

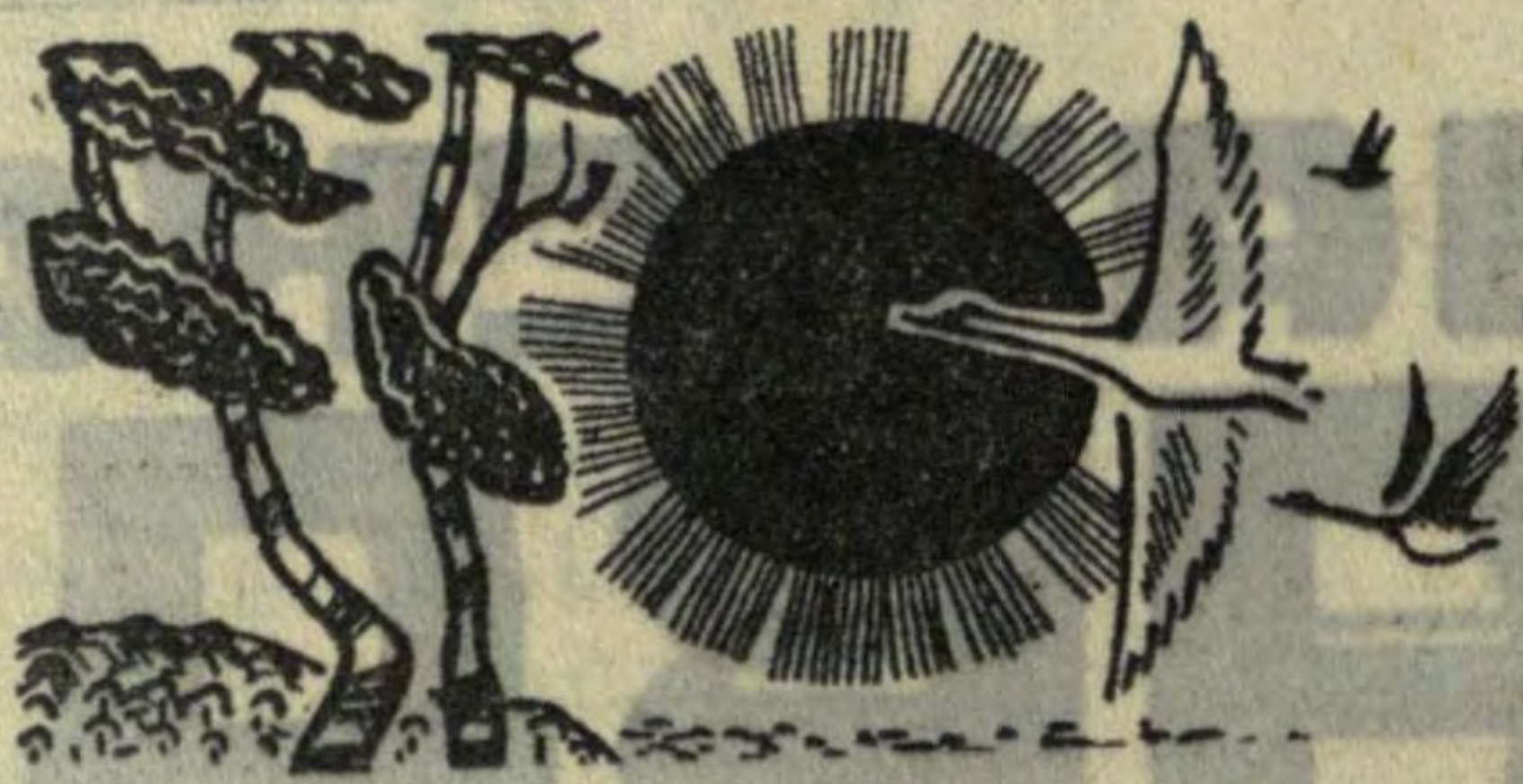
Прошла зима. Весной старого
коряка попросили показать доро-
гу от Усть-Пахачей до Средних.
«Дома будем строить, тракторы на-
до провести». Старик с сомнением
покачал головой, но согласился.
Сутки месил тундру гусеничный
трактор. Старик отъезжал далеко
вперед, садился на нарты и тог-
лядывал на покачивающуюся буд-
ку, в которой ехало трое молодых
парней. Старик не верил, что они
могут построить большие и краси-
вые дома в его пустынной и непро-
ходимой тундре. Он думал: «Сей-
час они повернут трактор и поедут
назад...» Но они не повернули.

Уже которую неделю день и
ночь ходит караван тракторов со
строительным лесом в Средние
Пахачи.

Саша Омельченко, первым про-
ехавший весной шестьдесят леза-
того на место будущего экспери-
ментального поселка в Средних Па-
хачах, на вопросы отвечал молча-
ливой улыбкой, легко орудовал
рычагами управления и, когда
трактор преодолевал очередной
подъем, насвистывал какую-то не-
хитрую песенку.

Солнце убегало назад, скользи-
ло по гребню сопки, вспрыгивало
вдруг на замасленный напот, вы-
свечивая жаркое, по-летнему пыль-
ное и сухое ветровое стекло. И
тогда вместо дороги мы видели
белые спящие пятна. Омельче-
нко щурился, но скорость не сбав-
лял. Каким-то особым выработав-

ПИСЬМА ИЗ СРЕДНИХ ПАХАЧЕЙ

ЭТА СИНЯЯ ВЕСНА...

шимся за годы работы в тундре,
чутьем он угадывал ускользающую
дорогу. И трактор шел ровно по ко-
лее, плавно, почти без рывков.
Позади, то упираясь в небо,
то ухая вниз, неутомимо следова-
ли сани с семью тоннами листвен-
ничного бруса, накрепко перехва-
ченного тросами.

Омельченко любит трактор. И
всегда относится к нему с долж-
ным уважением. Утром перед рей-
сом внимательно выслушивает и
осматривает двигатель. Тщательно
прогревает. Трогает носком сапо-
га гусеницы — путь неблизкий и
трудный: девяносто километров в
оба конца по бездорожью, через
перевал. Если повезет, не застря-
нешь — обернешься за десять-
двенадцать часов... Я все спраши-
вал Омельченко: «О чем вы дума-
ете в долгие часы рейса?» Он
опять улыбался, сдвигая шапку на
глаза, и кричал, перекрывая гро-
хот двигателя: «О дороге. Иногда
вспоминаю разное...»

...Степной ветер пронесит пеле-
ну тумана, легко касается волос,
полотнища флага, прибитого над
дверью наспех сколоченной вре-
мянки. Слышен запах трав — мяг-
кий и освежающий от утренней
росы. Грохочущей шеренгой стоят
тракторы. Все ждут. «Дава-а-й...»
кричит, машет руками бригадир.
— Пошел... Лицо его, обычно
твердое, с плотно сомкнутыми гу-
бами, распаивается в улыбке. Са-
ша уже в кабине. Педаль. Рычаг.
И газ. Гусеницы подминают шеле-
стящую траву, горизонт качнулся
и пошел навстречу. Саша забыва-
ется. Все растаяло вокруг — голоса,
грохот гусениц. Только степь, пе-
даль, рычаги... А когда оглядыва-
ется — видит за собой пласты вы-
вороченной земли. Выскакивает из
кабины и шагает по ней. Земля
парит, он склоняется и берет в
горсть — теплой волной ударяет
терпкий запах земли, запах солн-
ца и хлеба. Потом бежит назад к
трактору, бежит по своей первой
целинной борозде...

Это Казахстан. Совхоз «Целин-
ник». Здесь все первое: первый
дом, первая борозда, первый ко-
лос и хлеб... Потом сельскохозяй-
ственный техникум — и Камчатка.

Тот первый рейс в Средние Па-
хачи не был легким. Тундра не
знала тяжести тракторов, рассту-
палась, топила в сугробах. Прихо-
дилось выпрыгивать из кабины,
брать шест и уходить вперед —
прощупывать дорогу. Выехали у-
тром, начало уже темнеть, а дороге
не было конца. Уже совсем вымо-
тался прицепщик, у Омельченко
устали и ныли руки. А старик, по-
казывающий дорогу, только подго-
нял собак и, доехав до очередно-
го поворота реки, ждал, сосредото-
ченно покусывая трубку. Омель-
ченко все порывался спросить, да-
леко ли еще, но сдерживался, бо-
ялся, что старый коряк расценит
это как слабость. Наконец, старик
махнул рукой — все, мол. Омель-
ченко подогнал трактор. Ребята
выпрыгнули из будки и обступили
старика. Тот вынул изо рта трубку
и сказал, глядя в снег.

— Ты молодец. Я думал кри-
чать будешь, ругать, назад пово-
рачивать. Теперь надо запастись дро-
ва: пурга идет. Однако, скоро.

Омельченко молча сел в каби-
ну и поехал в лес. У него слипа-
лись глаза, и он устало думал, что
на плато ни одно дерево не долж-
но быть срублено — пусть в буду-
щем поселке будет парк. А

срубишь одно — не ос-
тановишься...

Потом был первый
колышек, первая вре-
мянка и первый дом
на вечной мерзлоте...

Утром, когда просы-
пались, отдирали оде-
ла от стен временки.
Потом кто-нибудь вста-
вал и, чертыхаясь, рас-
тапливал железную
печь. И тогда начинало
капать с потолка: иней
оттаивал. В распутицу
начались пурги, и они
почти месяц сидели без
продуктов — сшибали
в окрестных лесах ку-
ропаток. Вечером, обес-
силенные, валились
пластом на раскладуш-
ки и вспоминали: «Эх,
братцы, помню, после
дня рождения такой пи-
рог не стал есть. Сей-
час бы мы его...»

И во временке вита-
ла масса запахов и ви-
дений: наваристые щи,
золотистая жареная
картошка, поджарки,
гуляши... И тогда весе-
лый литовец, плотник
Гунар Гулбис брал в
руки рассохшуюся ги-
тару и начинал песню,
слова которой сочинял
тут же... Все подпевали — и
становилось легче. Даже весело.
И было еще одно, что поддержи-
вало: все-таки они первые...

Песни были на один мотив и вре-
зались в память всем. И Саша в
рейсах, когда круги в глазах, ко-
гда исчезало все вокруг и только
рычаги и вздыбившаяся дорога, —
незаметно для себя насвистывал
эту нехитрую мелодию...

Ехали уже два часа. Саша заку-
рил и сказал, что сейчас будет са-
мое паршивое место на трассе —
овраг с крутым спуском и подъе-
мом, если застрянем — придется
зачековать и ждать другой трак-
тор. У края остановились.

— Дальше поеду один, — ска-
зал Омельченко.

Мы с прицепщиком проверяли
груз в санях: если трос расслабил-
ся, то на спуске, когда Саша нач-
нет резко тормозить, тяжелый
брус может выскользнуть и уда-
рить в заднее стекло. «Было уже,
— сказал Супруненко, — хорошо,
Омельченко увернулся, а так бы...
Брус заледенел в тот раз и вы-
скользнул».

— Все нормально будет, —
крикнул Омельченко, забираясь в
кабину, — наст твердый, съеду
как на лыжах.

И съехал. Пока он, вспотев-
ший, шел к нам, прицепщик рас-
сказывал:

— Видишь вон тот бугор — по-
чти отвесный, да? А вот Омель-
ченко поднялся раз. Тут ведь чуть
что — и опрокинулся. Выбрался
он тогда и весь караван вытянул, а
так бы пришлось ночевать, а мо-
роз тогда был...

И опять ровный стол тундры.
Саша курит — спокойно и рас-
слабленно. «Взорвать бы эти пере-
валы к чертовой матери — ведь
бывает, по полдня сидим. Да как
взорвешь, мерзлоту попробуй
тронь — поползет, еще хуже бу-
дет...»

Молчим. Потом я все-таки
спрашиваю: «Ну, а как тот ста-
рик?»

— Недавно приходил в Сред-

ние. Мы ему — вот в таком доме
будешь жить. Для тебя. А ведь не
верил же... Он молчал, молчал. По-
том приехал еще раз, уже не
один. Ходили по стройке, смотре-
ли. Молодцы, говорит, молодцы.
Хорошие нам дома строите...

Потом я сидел у прораба строй-
ки Анатолия Фролова и листал ге-
неральный проект строительства
первой очереди эксперименталь-
ного поселка. От тепла и усталости
хотелось спать, и я никак не мог
уловить, почему же поселок экс-
периментальный. Оказалось, что
все дома будут на сваях — иначе
мерзлота начнет оттаивать, и фун-
дамент, естественно, оседет...

Как бы там ни было, я стал ук-
ладываться спать. Вошел Омель-
ченко. Протянул руку:

— Ну, я поехал назад. К полу-
ночи должны вернуться в Усть-Па-
хачи, а Фролов вам тут все пока-
жет и расскажет. Обязательно по-
смотрите наш первый домик.

Я был удивлен:

— А нельзя ли уехать утром?

Омельченко рассмеялся:

— Ну, утром мы должны уже
сюда выехать. Тракторов у нас
ведь шесть всего, а перевезти на-
до, ой, как много. Стройматериала
не хватает, до распутицы счита-
ные дни — вертолетами много ли
навезят...

И уехал — только ударил све-
том прожектора по окнам.

На следующий день, когда я воз-
вращался, встретил Омельченко —
он вытаскивал из оврага застряв-
ший там трактор.

Трос звенел, лопался несколько
раз. Все уже нервничали, а Омель-
ченко спокойно повторял:

— Ничего, еще раз попробу-
ем. — И садился в кабину и на-
свистывал свою незамысловатую
мелодию. И я ее тоже запомнил.
Решил: станет трудно, попробую
спеть. Авось, поможет.

В. ЛИМ,
наш спец. корр.
НА СНИМКЕ: Александр
Омельченко.

Фото автора.

РЕКИ иногда мигрируют. Покидают свое старое русло и, затопив прибрежные луга и леса, устремляются в поисках нового. Часто на их пути становятся поселки. Вода подбрасывается к домам, вымывает грунт из-под стен. А иногда набрасывается сразу.

Необузданный и изменчивый северные реки. Но человек с давних времен селился у их берегов. Уходила рыба, исчезал ягель, наступала река — человек сворачивал свое легкое жилище и перебирался на новое место. Но стал человек строить добротные рубленые дома, возводить поселки. И прирос к месту. И оно стало землей, связавшей его прошлое, настоящее и будущее. Землей его отцов и колыбелью сынов.

ЛЕТОМ 1964 года специалисты — гидрологи, архитекторы, инженеры, составившие комиссию Камчатского облисполкома, выехали в тундру. После объезда многочисленных приречных северных поселков было предложено в связи с опасностью затопления перенести поселки Ачайваам, Оклан, Верхние Пахачи... С Ачайваамом и Окланом решили просто — строить новые дома на более высоком месте. А с Верхними Пахачами положение сложилось другое — река съедала в год по 10 — 15 метров берега. Поселок требовалось перенести за десятки километров. Дома в Верхних Пахачах были срублены из непригодного для строительства недолговечного серебристого тополя, растущего в верховьях реки. Переносить их не было смысла.

Через четыре года собрали жителей Верхних Пахачей и спросили: «Где хотите жить — в Ачайвааме или Усть-Пахачах? Где строить новые дома?». Не захотели жители поселка уходить из родных мест, хотя и знали, что, скажем, в Усть-Пахачах им построили бы поселок быстрее, чем на любом новом участке тундры. «Здесь наши предки жили, — говорили они, — оленей отсюда выпасали, здесь центр наших пастбищ. А если строить, то в Средних Пахачах. Это километров сорок от Верхних».

На первый взгляд, место оказалось действительно очень удобным — высокое, по словам старожилов, незатапливаемое плато, рядом речка, лесок. Очень удобный и открытый подход для самолетов. «Хоть ТУ сажай», — сказал при облете вертолетчик.

Поселок обещал быть и красивым. Игрушечные дома на ладони великана. Вокруг серебристое полукольцо реки, арки сопков... И все-таки плаго было «белым пятном» — никто не знал режима реки, направления ветров и других многочисленных и нужных для проектирования поселка метеорологических и гидрологических данных.

Появилось решение облисполкома о перенесении села Верхние Пахачи в район Средних Пахачей. Съёмочная группа института «Камчатскгражданпроект» за две недели распланировала нужный участок плато. Все складывалось как нельзя лучше — нашли высохшую протоку с пригодным для строительных целей гравием. Воду можно было брать непосредственно из реки.

Но осенью 1969 года строители Усть-Пахачинского СМУ на свой страх и риск откопали котлованы и положили первый бетон для фундамента будущих домов. Сначала все шло вроде бы нормально. И вдруг совершенно неожиданно фундамент осел и лопнул. Оказалось, что это красивое плато представляет собой островок вечной мерзлоты. Под тяжестью положенного бетона верхний, дышащий слой земли оттаял и разошелся. В довершение выяснилось, что река нерестовая и осенью забивается гниющей рыбой. Надо было или строить очистные сооружения или бурить скважину. А гравий брат запретил рыбнадзор — протока весной заполнялась водой и служила убежищем для мальков рыбы. Появилась необходимость в строительстве почти двухкилометровой дороги до ближайших разработок гравия.

Возник вопрос: строить поселок на вечной мерзлоте или искать другой участок? Были голоса за и против. Искать другой — терять драгоценное время, к тому же, что особенно важно, жители тоже настаивают на Средних Пахачах. А старожилы утверждают, что это единственное подходящее место у речки. Стали строить поселок в Средних Пахачах.

* * *

ПРОЕКТИРОВАНИЕ и строительство велись почти параллельно. Строители буквально рвали из рук архитек-

торов чертежи, наступали на пятки. Подгоняли и подгоняли... А институт выполнял подобный заказ впервые.

Все трудности проектирования были не в рельефе местности. Трудности были в мерзлоте. В условиях города архитекторам встречались улицы с несравнимо сложным рельефом, но все привычно и исхожено — всегда существуют привязки для канализации, водопровода, всегда можно быстро и в то же время точно разместить дома на нужных отметках. Но вечная мерзлота... Как поведет себя ее верхний, дышащий слой; если высота свай будет, скажем, полметра — много это или мало? Как быть с коробом для инженерных сетей — на какой высоте возводить его? Много вопросов стояло перед проектировщиками.

Архитекторы не имели аналогичных проектов. Норильск, Алмазный не в счет, там все инженерные сети — канализация, водопровод, отопление помещены в огромные короба — в человеческий рост. Не те масштабы.

И, конечно же, проектировщики всегда помнили — поселок в будущем станет крупным отделением Пахачинского оленевхоза. Население его достигнет к 1980 году 680 человек — из них восемьдесят процентов жителей составят представители местной национальности. И по мере возможности в застройке поселка надо было учесть национальные традиции.

Для авторов проекта эта работа была новой и необычной. Но существовали сроки сдачи чертежей, и надо было уложиться в них, ибо строители вкопали первые сваи: река по-прежнему наступала на Верхние Пахачи. И в этой вынужденной атмосфере спешки архитекторы допустили ошибки. Они прошли через многие руны незамеченными и попали к строителям.

ЭТО БЫЛО неприятной неожиданностью для всех — в Средние Пахачи приехал главный инженер «Камчатскгражданпроекта» О. П. Гавронский и увидел, что фельдшерский пункт и сваи для школы сориентированы неправильно. Гавронский схватился за голову и к строителям: «Почему?». Но Анатолий Фролов, прораб объекта, выложил перед ним проекты, в которых фельдшерский пункт и школа были начерчены фасадом на север, ткнул пальцем и тоже спросил: «Почему?». Гавронский замаялся и обещал выяснить. С тем и уехал.

Это «почему» не выяснено до сих пор. Очевидно, потому, что, пропустив ошибки кого-то одного и подписавшись под проектом, остальные, в том числе и главный инженер, заодно расписались в своей, мягко говоря, невнимательности.

Сама по себе эта история с фельдшерским пунктом и школой незначительна, кстати фельдшерский пункт решено оставить так, как построили. Но совершенно ясно, что проектные отделы иной раз недостаточно координируют свою работу, чертежи порой не сверяются автором проекта и через его голову попадают к строителям. Ну, а строители, в свою очередь не уточнив и не посоветовавшись с проектировщиками, добросовестно возвели сруб и вкопали сваи.

Сейчас, когда институт в короткие сроки проделал колоссальную работу по проектированию экспериментального поселка, не хотелось бы говорить такие неприятные вещи, но...

В последний разговор перед отъездом из Средних Пахачей Фролов сказал мне:

— Хотелось бы думать, что это единственный промах проектировщиков. Но кто знает — придет вдруг дополнительный проект и по нему окажется, что, к примеру, какой-нибудь двенадцатиквартирный дом надо ориентировать в другую сторону... А сверять чертежи... Ведь у нас как пришел проект на срочный объект — сразу же привязываем к отметкам и строим — каждый час дорог. А связь у нас по радию — два раза в день — попробуй договорись с городом... Проектировщики же, к сожалению, у нас очень редкие гости...

И еще одна деталь. Помните, в начале статьи говорилось, что вопрос о необходимости перенесения поселка Верхние Пахачи возник еще в 1964 году, а решение облисполкома о перенесении — в 1968 году? За эти четыре года можно было, не торопясь, подготовить проекты зданий экспериментального поселка.

Как бы там ни было, трудности проектирования, связанные с вечной мерзлотой, преодолены. И двадцать свежесрубленных лиственничных домов простояли на сваях прошлую весну, стоят и эту. Мерзлота ведет себя нормально и никак не проявляется.

В. ЛИМ.